

ВОЛОДИНА ВЫСОТА

Если бы меня спросили, что самое главное я вынес с этой войны, я бы не задумываясь ответил: “Уверенность в нынешнем поколении наших мальчишек...”

М. М. Паишевич.

Афганистан: война глазами комбата

“Вова рос всеобщим любимцем. Чувствуя доброту и любовь к себе, он тоже был добрым с самого раннего детства. Дружелюбие, заботливость о других, стремление поделиться с друзьями доставляло ему радость, лучше сказать, это было потребностью его души” – так начинается рукопись Ангелины Владимировны с воспоминаниями о сыне.

В садике и первые школьные годы мама во всем была его верным помощником, учила читать стихи, петь песни, репетировала с ним номера художественной самодеятельности. В семейном альбоме есть фото: центральная площадь поселка Молочное, митинг в честь 25-летия Победы, на котором шестилетний Вова читает стихи.

Куда б ни шел, ни ехал ты,
Но здесь остановись,
Могиле этой дорогой
Всем сердцем поклонись...

После митинга возлагали цветы к памятнику землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Среди имен на обелиске имя и Вовиногу дедушки – Владимира Николаевича Волкова, и мальчик, счастливый от успешного выступления на митинге, сразу посерьезнел, словно бы повзрослел. Не это ли детское воспоминание стало причиной того, что с первой рабочей полочки Владимир купил маленькую копию памятника погибшим защитникам страны, поставил ее на своем письменном столе и наказал маме: “Пусть всегда тут стоит”. Возможно, это была его память о деде, которого он никогда не видел.

Очерк написан совместно с А. В. Галуниным.

Учился Володя так себе, был обычным школьником, ничем особенным не выделялся. Рос крепким и здоровым, любил спорт и труд, умел дружить с одноклассниками, был честным и справедливым.

Он любил походы всей семьей в лес за грибами и ягодами; красота природы могла привести его в восхищение. А еще его друзьями были книги. Ангелина Владимировна бережет любимые книжки из детской библиотечки сына – “Зеленый фургон” Казачинского и “Оштинскую тетрадь” Спивак, “Ханский ярлык” Изюмского, “Прорыв” Азарова. Одно время вместе с братом он увлекался выжиганием по дереву, коллекционированием марок. Среди его увлечений была музыка. Володя любил свою гитару, пробовал играть на баяне. Как большинству мальчишек, ему хотелось выбрать для себя “мужскую профессию”, “стать машинистом”, чтобы проехать по всей стране и все увидеть своими глазами. А то вдруг хотелось работать с животными...

Зимой 1978 года Ангелина Владимировна присутствовала на совещании завучей средних специальных учебных заведений, которое проводилось в ГПТУ N 28. Дома она рассказала сыновьям, как ей понравились учебные комнаты, мастерские, порядок в училище. А через год, окончив восемь классов, Володя подал документы в это училище, решив стать наладчиком шлифовальных станков. На мамин удивление ответил: “А помнишь, ты же сама это училище нахваливала?”

Во время учебы в ГПТУ Володиной страстью стал конный спорт. В Молочном институте для студентов зоофака организовали конноспортивную секцию; он добился зачисления в нее. Вскоре Володя стал конником-спортсменом 3-го разряда. Особенно маме и сыну запомнились конноспортивные выступления на стадионе “Динамо” в Вологде, когда праздновали День города. Из Молочного ребята выехали в проливной дождь. “Может, плащ или зонт принести?” – спросила Ангелина Владимировна. А сын ответил: “Что ты, мама, мы же “буденовцы”! Не положено!”

Возвратясь с выступления, Володя радостно рассказывал: “Мама, знаешь, как красиво стучали подковы по асфальту... Выступили хорошо, а вот никто из организаторов не предусмотрел, чтоб коням сена дать”.

В июле 1982-го, досрочно защитив диплом в ГПТУ N 28, Володя поехал в г. Мелеуз сдавать экзамены в СПТУ-33 на вновь открываемое отделение тренеров по верховой езде.

Успешно сдал экзамены и был принят при конкурсе тридцать человек на место. Но общежития училище не предоставляло, а позволить себе жить на частной квартире Володя не мог, так как знал, что средств на это у мамы нет. И он вернулся в Вологду.

Армейская служба началась для Володи добровольно и досрочно. В сентябре 1982 года он со своей просьбой явился в горвоенкомат, но ему ответили, что на досрочный призыв требуется согласие родителей. С неделю Володя уговаривал маму, чтобы она поехала в военкомат...

30 сентября родные и друзья проводили Володю на службу. Со всеми он простился на вокзале. Только бабушке не позволил ехать в город, зная, что ей, вдове солдата Великой Отечественной, будет очень тяжела эта вокзальная сцена с командами, погрузкой, "Прощанием славянки" – символом слез и потерь 41-го года.

В квартиру с тихими окнами на излучину Вологды и заречные дали стали приходить письма. Вот строки из них.

"Нахожусь в 280 км от афганской границы в подразделении позаброске в ДРА. Мама, не расстраивайся, все будет нормально, я жив, здоров, устаю очень..." (12 октября).

"Целыми днями занимаемся строевыми подготовками и марш-бросками, по 6 км в песках, изматываемся до изнеможения. Некоторые даже падают, но опять встают и бегут. А бегаем каждый день, да не налегке, а в полном снаряжении. Шинель, рюкзак (с НЗ – 9 кг). Автомат, штык-нож и 4 рожка с патронами. <...> Но, мама, дорогая, это ничего, ведь, как сказал нам комбат, "солдатский труд самый тяжелый". Ты за меня не расстраивайся. Я все смогу, все выдержу, я же должен отдать долг Родине, верно?" (18 октября).

"...Вчера, т. е. 1-го числа, был марш-бросок на 35 км. Подняли утром в 5 часов по тревоге. Взяли с собой паек, который уже сложен в рюкзаках. Шинель, автомат, противогаз, подсумок, плащ химзащиты. Если я вешу 70 кг, то со всем этим, наверное, кг 90 будет. Вернулись только вечером. <...> Очень трудно писать, все кости ломит, бока, ноги болят, весь как выжатый лимон. А все другие – тоже. А в основном все нормально. Из 6 мишеней сбил 4. На разводе объявили благодарность. <...> Мама, с 15 декабря будут отправлять. Все будет нормально. Осталось 23 месяца..."

В его письмах родным – суровая правда солдатской жизни в Афганистане.

“Здравствуй, братишка! Хочу сообщить тебе, что сейчас я нахожусь в госпитале, только об этом никто не должен знать. Получилось это так: когда заступил на пост, то был дождь, а где-то часа в 4 ночи он кончился, и я вышел из дзота на улицу, чтобы проветриться, а то в дзоте такая духота от печки, что не продохнешь. Только я взял сигарету в рот и зажег спичку, раздался выстрел из долины. Это был снайпер... Повезло мне, попал в правую ногу, чуть ниже колена. Сразу резанула меня такая боль, что я чуть не бухнулся, но с трудом вытерпел и, передернув автомат, всадил в то место, откуда стреляли... Наутро часов в 7 пошли туда и принесли басмача со снайперкой пакистанского изготовления. Пуля такая маленькая, а сделала такую дыру, как 5 копеек, но мне сразу завязали ногу и кровотечение перестало... Вот лежу и ничего не делаю, уже надоело за 5 дней... Маме скажи, чтобы не волновалась за меня, что обстановка тихая, а на самом деле не бывает дня, чтобы где-нибудь не обстреляли пост. Ну, братишка, сам понимаешь, служба у меня не из легких выпала, но служить надо, я ведь принимал присягу и это мой долг...” (15 марта 1983 года).

После лечения Володя возвратился в свой взвод, который в самом конце марта был переброшен на знаменитый перевал Саланг. Взвод участвовал в засадах, организуемых против душманов Ахмад-Шаха – одного из лидеров вооруженной оппозиции, проводил патрулирование, охраняя трубы нефтепровода и тоннель, прочесывал кишлаки по тревоге. В довершение ко всему в части шло строительство казармы, столовой, бани – всего и не перечислить, что приходилось выполнять и уметь молодому солдату.

Несмотря на огромные нервные и физические перегрузки, ему по-прежнему не изменяют наблюдательность, легкий юмор, спокойствие, суровая требовательность.

“Здравствуй, Коля! <...> Собираемся на операцию... которая будет проходить в ущелье, туда из долины прошло много банд, и когда из Союза приходят колонны с продуктами и боеприпасами, то они обстреливают их и наносят нам большие потери. <...> Локоть немного болит. Когда вытаскивали из лавины снега танк тягачом, то лопнул трос и кусок попал в локоть, разрубило, как топором, ну ничего, уже заживает. Только вот одно плохо, что здесь всякие раны начинают гнить, и получается пятнистое место. Нога уже полностью зажила...”

“Здравствуй, моя дорогая, любимая бабушка! <...> Я жив, здоров, ничем не болею, и вообще у меня все хорошо,

вот уже подходит к концу 10-й месяц моей службы, а там, смотришь, и год пройдет, а за ним и еще один, а потом я всех вас увижу и будет о чем поговорить с вами. Очень соскучился по тебе и по всем остальным, но служба есть служба...

Володя не был “военной косточкой” и так же, как другие солдаты срочной службы, считал не только месяцы, но и дни своего пребывания на службе. Вместе с тем он пишет в своей записной книжке: “Служба – это долг”.

Из письма: “Прибыло к нам пополнение, но все сейчас лежат в санчасти, ни одного нет во взводе. Один прострелил себе ногу очередью, сейчас его посадят за членовредительство, потому что прострелил нарочно. Просто некоторым служба показалась сильно тяжелой и невыносимой, вот и стреляют по ногам и взрывают пальцы. Они думают, что комиссуют, но это не так. Боятся, что убьют их, и из-за этого тоже занимаются членовредительством...”

Как другие солдаты, Володя радуется каждому письму, очень ждет их, он любит, когда в праздничном обеде есть конфеты или когда можно, придя с мороза, с поста, “попить кофе со сгущенкой вволю”.

Володя был умелым солдатом, может быть потому, что был готов к трудностям, ответственности, и, наверное, потому еще, что все делал с желанием, не смотрел на армию как на жизненное наказание.

“...Я не жалею, что попал сюда служить, здесь я многое пережил, испытал себя на выносливость и понял цену человека, цену жизни”.

Сознание постоянной опасности входило в плоть и кровь. В письме к брату, радуясь его счастью и поздравляя его со свадьбой, Володя пишет: “...Жалко только одного, что не погуляю я на твоей свадьбе, а может быть, и ты на моей не погуляешь...”

Это письмо было написано после тяжелого боя, когда 25 машин-наливников попали в засаду. Многие машины горели, удушающий запах гари, копоти забивал глаза, рот, легкие, под ногами хрустел фарфор, видимо, в одной из машин везли для продажи населению посуду. Лишь один КАМАЗ прорвался в кишлак Калатак. Там был опорный пункт 6-й роты 177-го полка, которая на БТР вышла навстречу горячей колонне. С другой стороны спешила 4-я рота, спустившаяся с Саланга. Группу из восемнадцати человек возглавлял старший сержант В. Некрасов. Три часа шел бой, чтоб сбросить с гор засевших там душманов. В развалинах

кишлака обе роты встретились, взяв в кольцо большую группу мятежников. Некрасов подошел доложить комбату Кузыченко о выполнении задания. Здесь и познакомились земляки – замполит А. В. Галунин и старший сержант В. Некрасов.

Боевые операции следовали одна за другой. Декабрьским днем прочесывали кишлак Базарак. Здесь бой с душманами вели афганские студенты (они месяц учились и по две-три недели воевали) совместно с 4-й ротой. Мятежники оказывали яростное сопротивление. Наша сторона несла большие потери. Володя со своей группой проходил дувал за дувалом. После короткого сна снова предстоял бой – ночью командир 177-го полка подполковник Кошкин поставил задачу прочесать кишлак Офьяни-Шариф. На окраинах кишлака группа Некрасова завязала бой с душманами. В ходе боя штаб полка оторвался от основных сил. Разведчики вместе с группой Некрасова пробивались к окруженным, вынесли убитых и раненых, а потом продолжали прочесывание, пока не стемнело.

Неподалеку от 177-го полка стоял афганский полк, охранявший Джабаль-Уссарадж. Души захватили часть его окраин. У многих солдат-афганцев семьи оказались заложниками душманов, поэтому они первыми бросились на штурм своих же домов, но под сильным огнем залегли, заняли оборону. Группе старшего сержанта Некрасова удалось захватить пару крепостей и обеспечить наступление наших групп. Душманы прятались в сараях, погребах, даже на женской половине домов. После боя местные жители со счастливыми лицами, а многие и с заплаканными глазами выносили солдатам хлеб, плов, приглашали в дома.

Но батальон отходил назад, к дороге. Парни несли до брони своих убитых товарищей, угрюмо молчали и, прощаясь с ними, каждый думал: когда же конец стычкам, боям?

Затем была большая Чарикарская операция. Увязая в мокрой глине, батальон Кузыченко совместно с афганскими солдатами вел наступление на Тибазар, где располагались исламский комитет и штаб формирования банд. Бой шел уже час, когда рота афганцев была отрезана от нашей роты, отстала и, имея потери, не могла продолжать движение. У афганцев был ранен командир, и спасти его получил задачу сержант Некрасов. Вдоль арыка удалось подползти к окруженным. Некрасов пустил дымы, взвалил на себя раненого и пошел. Сам Володя нес командира, у которого

были перебиты ноги. Их прикрывали сзади и спереди свободные бойцы из его группы. Как только оторвались от дувала, огонь стал таким плотным, что ребятам пришлось ползти. Весь батальон сосредоточил отвлекающий огонь на душманах и как мог помогал спасать афганцев. До ближайшей крепости, занятой нашими бойцами, оставалось совсем немного, и Некрасов, с раненым на спине, пошел, встав в полный рост, но тут же снайпер попал ему в левую ногу. Кость была цела, в горячке боя он не сразу почувствовал свое ранение и продолжал двигаться вперед. Наконец вот он – дувал. Все попадали без сил, глотая мокрый воздух вместе с дождем.

На вертолете Володю доставили в Баграм. Некрасов долечивался в Ташкенте. По состоянию здоровья Володя мог остаться до конца срока службы в учебном полку инструктором. Но он вернулся.

Долгих три месяца замкомвзвода Некрасов укреплял оборону и позиции двух секретов “Крест” и “Красная горка”. Это была адская работа под палящим солнцем. Обливаясь потом, солдаты таскали на себе с полковых складов боеприпасы, продукты, воду. Наезжал комбат Кузыченко, интересовался, как идут дела, и исчезал в Гульбахоре, где батальон круглосуточно вел неравные бои.

Володя с молодыми солдатами ломали кирками долбил скалистый грунт, словно чувствовал, что здесь ему предстоит смертельный бой, так как душманы проводили рядом караваны с оружием, и Володин взвод мешал им как кость в горле.

2 сентября 1984 года раздалось несколько взрывов на склонах горы. После проверки постов Володя с товарищами был в землянке. Все бросились к оружию. Душманы стреляли со всех сторон. Пулеметчик, дежуривший на тропе, был убит. Некрасов по связи доложил о нападении в полк. На соседнем секрете тоже шел бой. Один за другим гибли ребята, удерживая важную в стратегическом отношении высоту.

В это время внизу, под секретом, лежали в санчасти больные гепатитом ребята, и если бы Володя не устоял, всех их духи прикончили бы. Через два-три часа подошла на броне разведроты. Уничтожив душманов, окружавших секрет “Крест”, разведка поднялась на разбитые позиции. Володя Некрасов был еще жив. Патроны у него кончились. В одной руке он сжимал гранату, словно не веря, что помощь

придет. В другой руке было несколько мелких камешков – горсточка афганской земли.

Пуля пробила каску и сорвала лобно-височную часть черепной кости. Когда его несли, даже стонов не было слышно. Володя просил об одном – нести его потише. Глубокой ночью он был доставлен в баграмский госпиталь, где врачи во время операции пытались спасти его жизнь. Но рана была смертельной.

До приказа об увольнении ему оставалось 29 дней.

Привез Владимира Некрасова на родину А. В. Галунин. На траурном митинге замполит сказал лишь несколько слов – спазмы перехватили горло.

Уходит в историю афганская война. Ее признали ошибкой. И в спину “афганцев” подуло холодком. Но, лишая их, павших и живых, права на отвагу и мужество, забывая о солдатской смекалке и взаимовыручке, мы зачеркиваем не только кровь и пот, страдания и раны солдат-“афганцев”. Мы лишаем себя еще одной частицы памяти народной, пусть и очень горькой. Великая благодарность матерям, родным и близким погибших, которые передают на хранение в музей дорогие для них реликвии.

Ангелина Владимировна вместе с фотографиями и документами передала в Музей истории молодежного движения и те, святые для нее, камешки...

На сельском кладбище поселка Молочное, на открытом взгорке, – могила Владимира Ивановича Некрасова. И зиму и лето мамыны заботливые руки украшают ее цветами...

В. Карпова